

ИСТОРИЯ
КАЗАХСТАНА
В РУССКИХ
ИСТОЧНИКАХ
XVI—XX веков

V
ТОМ

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”
РАЗРАБОТАНА ПО ИНИЦИАТИВЕ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НУРСУЛТАНА АБИШЕВИЧА НАЗАРБАЕВА**

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИЙ КНИГ ПО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЕ
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”**

М. А. Кул-Мухаммед (главный редактор)
М. М. Тажин (зам. главного редактора)
Н. М. Нургазин (ответственный секретарь)
Ж. М. Абдильдин
М. Х. Абусейтова
М. М. Ауэзов
К. М. Байпаков
К. Н. Бурханов
Е. К. Ертысбаев
С. З. Зиманов
С. А. Каскабасов
А. Кекильбаев
М. М. Магауин
С. А. Мамбеев
А. К. Нурпейсов
А. Н. Нысанбаев
Е. Р. Рахмадиев
О. О. Сулейменов
К. С. Султанов
И. Н. Тасмагамбетов
К. Ш. Хусаинов

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
И ЭТНОЛОГИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
В РУССКИХ
ИСТОЧНИКАХ
XVI–XX веков**

**V
ТОМ**

**ПЕРВЫЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ОПИСАНИЯ КАЗАХСКИХ ЗЕМЕЛЬ.
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА**

Алматы
"Дайк-Пресс", 2007

ББК 63.3 (5Каз)

П 26

**Секция «История и этнография»
Государственной программы
«Культурное наследие»**

К. Н. Бурханов (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужиков

Составители: *И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев.*

Транскрипция скорописи начала XIX в.
И. В. Ерофеевой, Б. Т. Жанаева, И. М. Самигулина,
вступительная статья *И. В. Ерофеевой,*
комментарии и указатели к тексту *Б. Т. Жанаева*

Научный редактор *И. В. Ерофеева*

П 0503020905
00(05)-07

ББК 63.3 (5Каз)

ISBN 9965-798-43-5

© И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев,
сост., 2007
© Издательство «Дайк-Пресс»,
оформление, 2007

**Рукописное наследие
поручика Я. П. Гавердовского по истории,
географии и этнографии Казахской степи**

На рубеже XVIII—XIX вв. царское правительство начало активно использовать территорию Казахстана как транзитную зону в налаживании более или менее регулярных торговых отношений с сопредельными странами центральноазиатского региона. Именно поэтому оно направило через Казахскую степь в ханства Средней Азии целый ряд специальных посольств. Основная задача этих дипломатических миссий сводилась к изучению конъюнктуры рынка в среднеазиатских ханствах (Ташкентском владении, Бухаре, Коканде и Хиве) и урегулированию вопросов, связанных с обеспечением благоприятных условий торговли для русских и среднеазиатских купцов, но косвенным образом они содействовали дальнейшему накоплению разнообразных географических и историко-этнографических знаний о Казахстане и казахском народе.

Материалы, доставленные сотрудниками российских посольств в Среднюю Азию, представляют значительный интерес для современной науки, так как являются свидетельствами непосредственных очевидцев исторических событий той эпохи и содержат в себе богатую и оригинальную информацию об образе жизни, хозяйственных занятиях, быте, культуре, обычаях и традициях казахского народа. Путевые дневники и записки большинства официальных посланников в страны Средней Азии конца XVIII — начала XIX в. таких, как А. Бланкеннагель (1793 г.), А. С. Безносиков и Т. С. Бурнашев (1794 г.), Д. Телятников (1796 г.), М. С. Поспелов и Т. С. Бурнашев (1800 г.), Ф. М. Назаров (1813 г.), Н. Н. Муравьев (1821—1822 гг.) и некоторые другие, частично были опубликованы еще при жизни этих людей, либо в более поздний период, и в течение двух последних веков неоднократно использовались в трудах многих поколений исследователей истории и этнографии дореволюционного Казахстана. В отличие от них имя руководителя русского посольства 1803 г. в Бухару Я. П. Гавердовского, оставившего обширное рукописное наследие по географии, истории и культуре казахского народа, до сих пор было известно лишь узкому кругу историков-профессионалов, а его крупный монографический труд о Казахстане и казахах никогда прежде не издавался ни в дореволюционной России, ни в бывшем Советском Союзе. И только теперь в результате практической реализации в Республике Казахстан Государственной программы «Культурное наследие» и выхода в свет настоящего издания, эта монография и другие историко-этнографические материалы посольства Я. П. Гавердовского впервые станут достоянием широкой научной общественности нашей страны и других постсоветских стран Центральной Азии.

Непосредственным поводом к отправлению в начале XIX в. специальной торгово-дипломатической миссии в Бухару послужило донесение ответственного чиновника Троицкой таможни министру коммерции графу Н. П. Румянцеву от 2 сентября 1802 г. о тайном выезде из Троицка «за границу» изготовителя фальшивых ассигнаций некоего уфимского тептяря Валита Хамитова, которого казанский торговец Ибрай Смаилов встретил в Бухаре и узнал в облике оборотистого продавца своей «продукции» на городском рынке. В докладе Н. П. Румянцева царю и министру иностранных дел сообщалось, что И. Смаилов через главу «таможней торговли» потребовал выдачи преступника, но правитель Бухарского ханства эмир Хайдар (1801–1826) отказал ему в этом. В связи с тем, что царское правительство тогда остро нуждалось в получении разнообразных достоверных сведений о торгово-экономическом потенциале и политическом положении Бухарского ханства, «дело» о тептяре Валите Хамитове сыграло роль своевременного толчка к отправлению ответственной дипломатической экспедиции в Бухару¹. 12 декабря 1802 г. император Александр I своей официальной резолюцией на докладе министра коммерции санкционировал создание комиссии для подготовки посольства в это среднеазиатское ханство. Надзор за его подготовкой и практическим осуществлением в регионе возлагался наряду с Н. П. Румянцевым на министра внутренних дел графа В. П. Кочубея, генерал-квартирмейстера П. К. фон Сухтелена и оренбургского военного губернатора Н. А. Бахметьева. Руководителем дипломатической миссии был назначен тридцатилетний поручик по квартирмейстерской части Свиты е. и. в. Яков Петрович Гавердовский².

Документальных свидетельств о жизни и служебной деятельности Я. П. Гавердовского сохранилось немного. По отдельным генеалогическим данным, он принадлежал к одной из фамильных ветвей дворянского рода Гавердовских, восходившего своими корнями ко второй половине XVI века. Подавляющее большинство отпрысков этого рода в XIX в. проживали в средней полосе европейской России и имели свои поместья в основном на территории Рязанской губернии. Яков Петрович Гавердовский родился приблизительно в 1770/73 г. и в возрасте около 40 лет геройски погиб во время Отечественной войны России с Наполеоновской Францией на Бородинском поле 26 августа 1812 года.

Согласно лаконичным сведениям «дела по прошению» дочери погибшего офицера Генерального штаба Доротен Гавердовской о праве

¹ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974. С. 61–63.

² Там же. С. 63, 65.

пользования пожалованным ей пенсионом после своего замужества от 30.09.1830 — 20.02.1831 г., Я. П. Гавердовский еще задолго до его отправления во главе посольства в Бухару был достаточно хорошо знаком с образом жизни и культурой казахского кочевого населения Оренбургского края, так как с конца 1789 по 1800 г. постоянно служил в Оренбурге и на Оренбургской пограничной линии. Государственную службу империи он начал с гражданской должности канцеляриста в Оренбургском пограничном суде, затем перешел на военную службу в армейских частях той же Оренбургской губернии, где за пять с половиной лет поднялся по карьерной лестнице от подпрапорщика, а немного позднее — сержанта Оренбургского полевого батальона (30.05—06.07.1793 — подпрапорщик, с 07.07.1793 до 18.04.1798 — сержант) до поручика Рьльского пехотного полка (19.04.—29.04.1798 — портупей-прапорщик, 12.02.1799—12.12.1800 — подпоручик, с 13.12.1800 — поручик). В конце 1800 г. он был уволен с регулярной военной службы поручиком и полгода спустя 23.08.1801 г. определен на службу подпоручиком в Петербург в состав Свиты е. и. в. по квартирмейстерской части. Ко времени отправления миссии в Бухару Я. П. Гавердовский продолжал служить в Генеральном штабе и уже имел там звание поручика¹.

При определении круга основных задач миссии министр коммерции Н. П. Румянцев исходил не столько из необходимости обезвредить беглого фальшивомонетчика, сколько из государственной потребности в отправлении в Бухарское ханство компетентного и наблюдательного российского резидента «для лучшего разведания о торговле тамошнего края во всех ее отношениях»². В этой связи официальная инструкция царского правительства, утвержденная Александром I 14 ноября 1802 г., нацеливала Я. П. Гавердовского на выяснение проблем развития двухсторонних торговых отношений с Бухарой и различных факторов, препятствующих процессам нормализации транзитной торговли между двумя странами как по пути следования российских и бухарских караванов через Казахскую степь, так и на территории самого ханства. Для выполнения этой главной цели поручику рекомендовалось наряду с обстоятельным «разведанием» состояния экономики и общественного устройства Бухарского ханства собирать «основательные» сведения о казахских жузах: «которые роды их кочуют в тех местах, где... проезжать должно будет; кто старшины и солтаны управляют ими и преданы ли они Российской державе»; имеются ли месторождения полезных ископаемых в Мугоджарских горах у верховьев рек Ори и Эмбы, «где по многим удостоверениям, скрыты богатые руды»;

¹ РГВИА. Ф. 395. Оп. 136. 3 отд. Д. 667.

² Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. С. 62.

«не соединяются ли три истока реки Усь-Усюка с Аральским морем» и т. п. информацию¹. «Словом, — резюмировалось в заключительной части 10-го пункта документа, — «достойно примечания» «всякое такое положение, которое открывает средства к распространению торговли»².

Внимательное изучение правительственной инструкции главе будущей дипломатической миссии в Бухару однозначно убеждает в том, что ей придавалось важное государственное значение в среднеазиатской политике Российской империи. Другим убедительным подтверждением этого можно считать такой примечательный исторический факт, как обращение царского правительства к действительным членам Петербургской Академии наук с предложением снабдить Я. П. Гавердовского своими особыми наставлениями и советами, что последними и было своевременно исполнено. По распоряжению адъютанта Л. Ю. Крафта Академия наук обеспечила поручика несколькими инструкциями, которые подготовили академики Т. Ф. Смеловский, А. Ф. Севастьянов и В. М. Севергин. Они ориентировали Я. П. Гавердовского в основном на сбор сведений естественнонаучного характера о Казахской степи и Бухаре. В частности, Т. Ф. Смеловский рекомендовал ему собирать информацию о посеве и сборе хлебов и употреблении лекарственных растений. А. Ф. Севастьянов акцентировал внимание поручика на целесообразности выяснения причин изменения течения Амударьи и Сырдарьи и наличия связи между Каспийским и Аральским морями, а также считал необходимым исследовать состояние скотоводства, земледелия и торговли в долине Амударьи. Академик В. М. Севергин составил специальную инструкцию по минералогии, где рекомендовал выяснить «направления углублений и возвышений», наличие и характер соляных озер, полезных минеральных источников, местонахождение залежей редких металлов и драгоценных камней³.

Получив все вышеуказанные предписания и рекомендации, Я. П. Гавердовский осенью 1802 г. начал старательно готовиться к ответственной поездке в Бухару. В это время и в первой половине 1803 г., когда новоиспеченный дипломат уже находился в Оренбурге, он основательно штудировал материалы путешествий по северным и восточным регионам Казахской степи П. С. Палласа, И. П. Фалька, Н. П. Рычкова и некоторых других исследователей Казахстана второй половины XVIII века. В личном фонде поручика, основательно обследованном в свое время известным советским

¹ Внешняя политика России XIX — начала XX в. Сб. документов. М., 1960. С. 332–337.

² Там же. С. 333.

³ ОПИ ГИМ РФ. Ф. 260. Д. 1. Л. 1–8; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. С. 63–64.

востоковедом Н. А. Халфиным, хранятся «Объяснение бывшего в Бухарии в 1794 и 1795 годах Колывано-Воскресенских заводов унтершихмейстера Тимофея Бурнашева», информация обербергмейстера Чулкова от 20.08.1795 о Ташкенте, которая была, по-видимому, неизвестна первым издателям материалов дипломатической миссии Г. И. Спасскому и Я. В. Ханькову. В делах Я. П. Гавердовского имеется также рукопись труда П. Е. Величко «Описание Хивы и ее окрестностей», датированная временем подготовки его посольства в Бухару, и некоторые другие записки и труды историко-этнографического характера¹. Отсюда можно заключить, что руководитель новой дипломатической миссии в Бухарское ханство в полной мере осознавал свою личную ответственность за порученное ему важное государственное дело и старался как можно более тщательно подготовиться к дальнейшей поездке в малоисследованные страны континента. К началу 1803 г. основная подготовка к путешествию была завершена, и 15 января Я. П. Гавердовский отправился из Петербурга в Оренбург².

В Оренбург поручик прибыл 23 февраля 1803 г. и задержался в этом городе ровно на пять месяцев, занимаясь там укомплектованием штата посольства и его материальным обеспечением. В состав миссии Я. П. Гавердовский зачислил с разрешения Н. П. Румянцева на должность переводчика пакгаузного инспектора Оренбургской таможни Мирсалима Бекчурина, хорошо знакомого с бытом и культурными традициями многих азиатских народов; а также переводчика Оренбургской пограничной комиссии Кукляша Биктяшева, доктора Савву Большого, ахуна Фазиля Исмаилова, писца Андриюкова и для поимки тептяря Валита Хамитова — казанского купца Ибрагима Смаилова. Помимо всех названных лиц в числе подчиненных Я. П. Гавердовского из Петербурга в Бухару отправились колонновожатые Григорий Иванов и Иван Богданович, которые позже совместно с ним составили подробный журнал пройденного пути. Всех членов посольства, включая слуг, тептярей и казаков, насчитывалось к моменту его отправления из Оренбурга около 50 человек. Перед выездом в Степь посольский отряд соединился с караваном русских купцов, которые везли в Бухару на 55 верблюдах товаров на сумму 260 тыс. руб.³

К середине лета караван был в целом собран, и 23 июля посольство Я. П. Гавердовского отправилось в долгий путь. В течение почти 1,5 месяцев оно достаточно благополучно продвигалось по западному региону Казахской степи, но 6 сентября того же года, оказавшись в урочище Ходжаберган на территории безводной степи Музбиль, подверглось вне-

¹ Там же. С. 63.

² См. ч. 1. «Обозрения Киргиз-кайсацкой степи» в этом издании.

³ Там же; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. С. 70—72.

запному нападению группы казахов племени шекты, поколения алимулы Младшего жуза во главе с их ханом Абулгазы Каиповым (ум. в 1815) и биями Жаназаром, Жанузаком и некоторыми другими степными лидерами. Караван был почти полностью разграблен, доктор Савва Большой захвачен казахами в плен и пробыл у них на положении пленника около года. Поручику Я. П. Гавердовскому удалось избежать неволи и спасти отдельные дипломатические документы вместе с высочайшей грамотой, а некоторым купцам — только наиболее ценные легкие товары и деньги. 30 сентября 1803 г. Я. П. Гавердовский с основной частью своих людей был вынужден бесславно завершить экспедицию и возвратиться в Оренбург. Иными словами, российская дипломатическая миссия 1803 г. в Бухарское ханство потерпела на территории казахских кочевий полный провал, а пресловутое в официальных документах тех лет урочище Ходжаберган стало местом краха надежд царского правительства на установление относительно регулярных торговых отношений с Бухарой и возможность дальнейшего беспрепятственного развития транзитной караванной торговли в регионе¹.

После неудачного завершения миссии и скорого возвращения в Петербург поручик Я. П. Гавердовский глубоко переживал нанесенный его честолюбию сильный удар и старался посредством своих многочисленных рапортов, замечаний и записок центральному правительству хоть как-нибудь реабилитировать себя в глазах высших властей. К числу составленных им в первые месяцы после возвращения в столицу аналитических документов, следует отнести следующие записки: «Система к преобразованию и устройению киргизского народа, для возвращения разграбленного капитала, успокоения караванных ходов и приведения в порядок киргизские роды и всей Оренбургской линии» от 02.11.1803; «О средствах для успокоения в Оренбургском краю киргизского народа и к благосостоянию торговли при нынешних обстоятельствах» от 10.01.1804, а также заметки «О мероприятиях для успокоения в Оренбургском краю киргизского народа», написанные приблизительно в то же время и некоторые другие². В них Я. П. Гавердовский, констатируя факт политической нестабильности на караванных путях и многочисленные случаи грабежей казахами торговых караванов, предлагал царскому правительству непременно разбираться с этим и наказывать военно-полицейскими мерами только правящую верхушку казахских родов, участвующих в грабительских набегах на проезжающих по их кочевьям русских и среднеазиатских купцов, но

¹ Там же; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. С. 72–73.

² ОПИ ГИМ РФ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2. Л. 78–99; Д. 3. Л. 51–60; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. С. 73–75.

не рядовых кочевников-скотоводов. «Не должно строгость ставить вместе с жестокостью и разорением, — писал поручик, — ибо спокойствие и богатство киргизцев для России довольно нужно. Они, будучи ее пастухами, прокармливают жителей до Арзамаса и частью до Владимира, обогащают купцов чрез многие свои произведения, принимают участие от провожания караванов в торге бухарском. Обосновывая же наказание на правосудии, сделать можно из их добрых жителей и полезных для России»¹. Предлагая своим высокопоставленным адресатам различные способы обуздания «своеволия» казахов и наказания виновников за совершенные грабежи, Я. П. Гавердовский настойчиво стремился избежать ненужного насилия и причинения материального ущерба основной массе казахского населения, что не может не вызывать определенного уважения и симпатии к нему.

Судя по отсутствию официальной реакции Петербурга на все эти рапорты и записки, провальные практические результаты дипломатической миссии в самое крупное среднеазиатское ханство посеяли в умах царских чиновников глубокий пессимизм, и Министерство коммерции на время потеряло какой-либо интерес как к проблеме оживления торгово-экономических связей с Бухарой, так и к политической ситуации на транзитных караванных маршрутах.

Выразительное молчание центрального правительства однако же не парализовало волю и творческую активность Я. П. Гавердовского, но с учетом отмеченного обстоятельства добросовестный офицер почти полностью перенес в середине 1804 г. свою интеллектуальную энергию на обработку и осмысление собранных им в Казахской степи богатых полевых материалов. В течение 1804 г. Я. П. Гавердовским и его помощниками был подготовлен подробный «Журнал, веденный Свиты е. и. в. поручиком Гавердовским и колонновожатыми Ивановым и Богдановичем во время следования их по высочайшему повелению чрез Киргизскую степь в провинцию Бухарию, с различными наблюдениями с описанием всех случившихся происшествий, равно как и о возвращении в Россию в 1803 г., с кратким уведомлением об отправлении посольства в азиатское владение». Тогда же Я. П. Гавердовский начал активно работать над подготовкой специальной монографии по географии, истории и этнографии Казахстана, которую назвал «Обозрение Киргиз-кайсакской степи». В письме от 11 декабря 1806 г., адресованному некоему Логину Юрьевичу, Я. П. Гавердовский, говоря о полученных им еще до отправления с посольством в Бухару «некоторых наставлений» от членов Петербургской Академии наук, сообщал своему адресату о том, что во время

¹ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. С. 76.

путешествия по Казахской степи он «кроме особых поручений старался исполнить и те предметы, которые во оных начертаны были». «При возвращении в 1804-м году, — далее писал поручик, — успел я с другими в сотовариществе со мною бывшими чиновниками из сделанных нами примечаний сохранить некоторые отрывки. Давно желал все сие привести в известность, но разные занятия по должности, отлучки и другие обстоятельства сему мешали. Теперь окончив 1-ю часть, почитаю себя обязанным препроводить ее Вам, милостивый государь, и покорнейше притом просить, не угодно ли Вам будет доставить оную тем почтеннейшим членам Академии, которые снабжали меня своими наставлениями»¹. Это письмо Я. П. Гавердовский сопроводил посылкой Логину Юрьичу «рукописи своей книги» и «в особливой папке 14 рисунков»².

В данном случае речь шла об объемной первой части монографии «Обозрение Киргиз-кайсацкой степи», которую автор сначала назвал «Путешествие в Степи киргиз-кайсацкой», а позднее переименовал в «Дневные записки в Степи киргиз-кайсацкой в 1803-м и 1804-м гг. ». Работа была написана в популярном в то время жанре путевых записок, но в отличие от его наиболее типичных образцов, здесь, ежедневные личные наблюдения и впечатления автора о различных достопримечательностях посещенных мест и выдающихся явлениях общественной жизни казахов-кочевников были существенно дополнены в соответствующих абзацах текста, подробным изложением результатов его собственных исследований этих проблем и оригинальными историческими экскурсами в далекое и относительно недавнее прошлое казахского народа.

В начале декабря 1806 г. рукопись «Дневных записок» поступила в Канцелярию Петербургской Академии наук, и адъютант Л. Ю. Крафт сразу же передал ее для рецензирования академику В. М. Севергину. В «Протоколе» заседания Конференции от 7 января 1807 г. по этому поводу сообщается, что академик, ознакомившись с трудом Я. П. Гавердовского, признал его «интересным и достойным быть напечатанным при условии изъятия некоторых лишних деталей и исправлении слога»³. В самом отзыве В. М. Севергина относительно содержания прочитанной рукописи говорилось буквально следующее: «...В оной находится много полезных и отчасти новых наблюдений и примечаний, и что она потому напечатана быть может; токмо бы г-да сочинители благоволили выпустить некоторые подробности и сделать местами нужные поправки в слоге. Вообще же за успешное выполнение предписаний Академии [автор] заслуживает одобрения»⁴.

¹ ОПИ ГИМ РФ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 3. Л. 82.

² Там же. Л. 83.

³ Архив ПФ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135; Д. 18. Л. 2.

⁴ Там же. Оп. 2. 1807 г. Д. 1. § 6.

В течение последующих 2,5 лет Я. П. Гавердовский тщательно работал над второй частью своего монографического исследования, получившего название «Описание страны и народа киргиз-кайсаковского». Структура этой части «Обозрения киргиз-кайсаковской степи» заметно отличается от первой части монографии, так как в ее основу был положен уже не устаревший к тому времени хронографический способ подачи разнообразной информации, а близкий к современному предметно-тематический принцип распределения фактического материала. В соответствии с ним в исследовании были четко выделены разделы по географии, истории и этнографии Казахской степи, которые в свою очередь подразделялись на отдельные главы, посвященные конкретным проблемам, а последние — на еще более мелкие структурно-тематические единицы. В первой половине 1809 г. работа над рукописью книги была в целом завершена, и автор представил ее в Академию наук на отзыв вышеупомянутым ученым. Академик А. Ф. Севастьянов, прочитав вторую часть «Обозрения», 2 июня 1809 г. написал на нее краткий положительный отзыв, в котором вполне справедливо указал, что работа Я. П. Гавердовского «содержит много хороших, новых, интересных мыслей», но при этом согласился с мнением своего коллеги В. М. Севергина о необходимости «исправления стиля» произведения, так как в нем встречается «немало погрешностей против свойства российского языка»¹.

В последующие два-три года автор «Обозрения», всецело занятый делами по службе, практически не занимался редактированием своей рукописи, о чем убедительно свидетельствует отсутствие каких-либо серьезных стилистических разночтений в ее двух разных списках, ныне хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве и Архиве Института истории (г. Санкт-Петербург) Российской Академии наук. В 1809–1811 гг. фундаментальный труд широко эрудированного офицера о Казахстане и казахском народе кроме самого автора почти или даже совсем никого в Петербурге не интересовал, и он лежал на его письменном столе по существу без движения. Затем наступил роковой для России 1812 год. Я. П. Гавердовский, уже получивший к тому времени (12.05.1812) звание полковника, оказался как и многие другие русские офицеры Генерального штаба в составе действующей армии и 26 августа 1812 г. был убит в Бородинском сражении противником².

Несмотря на то, что его монография не была опубликована, благодаря изданию Г. И. Спасским небольших отрывков из нее в журнале «Сибирский вестник» она стала известна в 20-х гг. XIX в. (ч. 3. Спб., 1823.,

¹ Там же. Оп. 2. 1809 г. Д. 19. § 244; Оп. 1^а. Д. 20. Л. 65 об.

² РГВИА. Ф. 395. Оп. 136. 3 отд. Д. 667.

с. 43–60) крупному российскому исследователю истории и этнографии казахов А. И. Левшину (1797–1879), который основательно использовал оригинальные материалы Я. П. Гавердовского во многих разделах своего трехтомного труда «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (ч. 1–3. Спб., 1823.), но согласно еще неизжитой тогда архаичной традиции в российской историографии — без конкретных ссылок на авторство своего полузабытого предшественника. В XX в. работой Гавердовского неоднократно пользовались при написании различных трудов по истории Казахстана такие видные советские историки, как М. П. Вяткин, Н. Г. Аполлова, Е. Бекмаханов, С. В. Толыбеков, Н. Э. Масанов и некоторые другие ученые. Кроме того отдельные наиболее яркие фрагменты ее текста в разное время часто цитировались в научных и историко-публицистических работах казахстанских авторов.

Данный том представляет собой первое полное издание всех материалов дипломатической миссии Я. П. Гавердовского в Бухарское ханство. В нем впервые публикуется фундаментальный историко-этнографический труд главы этого посольства «Обозрение Киргиз-кайсацкой степи» и вторично переиздаются «Дополнения» к «Журналу» Я. П. Гавердовского, Г. Иванова и И. Богдановича доктора седьмого класса Саввы Большого (1769–1827), которые были напечатаны еще при жизни этого автора в петербургском журнале «Сын отечества» в 1822 г. (ч. 76, 77, 80). Издаваемые труды выявлены в российских архивах и археографически обработаны историками И. В. Ерофеевой, Б. Т. Жанаевым, И. Самигулиным и Ш. А. Аманжоловой. Предисловие к изданию написано И. В. Ерофеевой, научные комментарии текстам историко-этнографических разделов работ Я. П. Гавердовского и его сотрудников составлены Б. Т. Жанаевым, комментарии к географической части издания — д. г. н. А. П. Горбуновым. Компьютерный набор текстов осуществили Б. Т. Жанаев и И. Самигулин, иллюстрации подобраны И. В. Ерофеевой и Б. Т. Жанаевым. Составители выражают глубокую благодарность директору Российского государственного военно-исторического архива И. О. Гаркуше и заведующей читальным залом Т. Ю. Бурмистровой за содействие в получении и копировании публикуемых архивных материалов.

И. В. Ерофеева

Журнал,
веденный Свиты его императорского величества
поручиком Гавердовским и колонновожатыми
Ивановым и Богдановичем во время следования
их по высочайшему повелению
через Киргизскую степь в провинцию
Бухарию, с различными наблюдениями,
с описанием всех случившихся происшествий,
равно как и о возвращении в Россию
в 1803 году, с кратким уведомлением
об отправлении посольства в азиатское владение

**Краткое уведомление об отправлении посольства
в азиатское владение, известное вообще под именем
Большой Бухарии [1] и обо всех обстоятельствах
оного до выезда за российскую границу**

По докладу министра коммерции, его сиятельства графа Николая Петровича Румянцева в 1802 г., августа 12-го дня последовала высочайшая воля на составление комиссии для отправления в Бухарию. Цель посольства сего, кроме особенных поручений, клонилась более к открытию выгод коммерции и к доставлению сведений о стране сей, Европе малоизвестной, но по состоянию ее, натуральным произведениям и по частому сообщению с Россиею довольно интересной и заслуживающей внимания.

Высочайше утвержденная на имя мое инструкция дана также от министра коммерции, от которого зависели и все касающиеся до сего распоряжения [2]; от его высокопревосходительства генерал-квартирмейстера Петра Корниловича фон Сухтелена получил я инструкцию и личные наставления, необходимые для порядка и к наблюдению пути, а равно и члены Императорской Академии наук, господа профессора Сивергин и Озерецковский чрез г-на профессора Крафта, снабдили меня также своими письменными наставлениями.

Деланные приуготовления в Санкт-Петербурге соответствовали во всем главному предмету сей комиссии, к которой присоединены были также, надворный советник, доктор Большой и два колонновожатых [3], Иванов и Богданович, кои по знаниям их и усердию к службе достойны уважения.

Отправление за границу зависело от предписания министра внутренних дел графа Виктора Павловича Кочубея, который все

сие предоставил в неусыпное попечение и в непосредственную внимательность в пограничном городе Оренбурге, бывшему там военному губернатору генерал-майору Бахметеву.

Пред отъездом представлен я был государю императору и милостивого удостоен был принятия.

Из Санкт-Петербурга выехал я вместе с товарищами генваря 15-го дня 1803 г. и в проезд наш останавливались в Москве и Казани для получения образчиков российским изделиям и к свиданию с купцами, отправляющими торг бухарскими и киргизскими товарами, дабы узнать в точности их обороты; в Оренбург же прибыли мы 23 февраля.

Оренбургский военный губернатор, г-н генерал-майор Бахметев, представленные ему мною от министров сношения и объяснение мое в рассуждении отправления нас в Бухарию отослал в Оренбургскую пограничную комиссию, дабы она, сделав свои распоряжения, по мере возможности меня удовлетворяла, сам же он, ожидая увольнения от службы, не входил ни в какие по сему распоряжения.

Комиссия по поводу сего делала мне разные запросы: какой я изберу путь и что полагаю к безопасности оною нужным? Я отвечал, что по местному пребыванию Комиссии средства те более известны ей, а должность моя заставляет только просить о том, чтобы скорее сделано было мне отправление. Комиссия отзывалась на сие невозможностью от зимнего времени, отбытием киргизцев от границ и неизвестностью, как сохранить нашу безопасность, о чем и донесено было в Петербург.

Через месяц, однако же, сделали постановление, дабы в степь Киргизскую послать нарочного, чрез которого бы из некоторых родов вызвать надежных киргизцев для провода и конвоевания нам в пути. Сие намерены были препоручить простому киргизскому старшине, но я просил послать с оным еще российского переводчика, служащего при таможене, Мурсалима Бекчурина, который много обращался уже по делам киргизским. А так как купцы, в проезд наш в Москве и Казани, просили соединить с собою их караван и его сиятельство министр коммерции граф Николай Петрович Румянцев на рапорт мой из Казани предписал мне ордером от 21 февраля оною дожидаться, то и для своза товаров по обыкновению купцов препоручено Бекчурину было пригласить киргизцев к доставлению на границу верблюдов.

Бекчурин все отправление имел от Пограничной комиссии, которая дала ему и полную инструкцию с назначением тех родов, в которые он должен ехать, а от меня получил он приватное наставление, дабы возвратился не далее как в один месяц и согласно с положением Комиссии убедил бы вожаков вести прямо из Оренбурга, а притом и узнал еще, можно ли идти сквозь киргизцев, как расположены они, которою дорогою и кому вручить себя можем. Он выехал в степь из Илецкой Защиты 6-го дня апреля.

Я требовал также от Пограничной комиссии людей, по большей части мастеровых из казаков, как для работ при разных наблюдениях, так и для услуг до 25 человек, а равно и переводчиков, неотменно нужных в пути и в самой Бухарии, прося притом снабдить нас и всеми нужными необходимостями к содержанию нашему для степного пути и к пребыванию в Бухарии на два года. Комиссия от сего отозвалась, а военный губернатор, не имея ввиду ассигнованной на снаряжение сего суммы, по просьбе моей представил о сем министру внутренних дел, о чем и о медленности, проистечь от того могущей, доносил также и я. Военный губернатор, 5 июня выехав из Оренбурга, отправился по высочайше вверенной ему инспекции, прикомандировав прежде ко мне желаемых людей и подтвердя Комиссии: ежели Бекчурин возвратится неудачно, то сделать другое распоряжение или произвести сношение с киргизским ханом.

Много уже времени проходило после срока, назначенного к возвращению Бекчурина, но от его ни же малейшего не было известия, почему 8 мая и понужден я был послать за ним в степь двух мулл и по границе в разные места колонновожатых, дабы сии наведывались о месте его пребывания и успехах, писали бы к нему и вызывали поспешнее на линию.

Мая 17-го дня получены были чрез эстафету из Санкт-Петербурга по требованию г-на генерал-майора Бахметева 8000 руб. с таким предписанием, дабы он сделал сим деньгам для отправления нас распределение. Он был уже тогда в пути, но я для принятия от него приказаний ездил за ним вслед. И между прочими его повелениями присланные деньги получил в свое заведование, почему тотчас по возвращении в Оренбург принялся обмундировывать прикомандированных ко мне казаков, заготовлять провиант и другие делать приуготовления.

Июня 11-го дня прибыл из степи мулла, отправленный при Бекчурине, с известием, что вслед за ним будут и киргизцы, для препровождения нас уже вызванные. Дабы привести немедленно к исполнению выезд наш и увериться в надежности вызванных людей, я сам выехал к ним навстречу за 75 верст в степь, к крепости Илецкой Защите, куда июля 15-го дня и они прибыли.

Киргизцы сии были не главные родоначальники, но некоторые из родни их и трех только родов: большого чиклинского, дюрткаринского и чумекейского [4]. Первые кочуют по Эмбе в песках Барсуках и по западному берегу Аральского моря, а другие два — по пути из Орской крепости около реки Иргиза, близ Сырдарьи и в песках Каракум. Они, однако ж, были точно из тех родов, к коим Бекчурину от Комиссии было предписано ехать.

Дюрткаринцы и некоторые из чумекейцев, хотя всегда участвовали в грабежах караванов, но в сие время присланные сии по доверенности от народа, объявили признательность свою и желание прекратить их шалости, обнадеживая по временам возратить прежде ими пограбленное, и в доказательство их усердия уверяли нас под присягою, что проводят в Бухарию безопасно и спокойно.

Чиклинцы предлагали нам дорогу чрез Хиву и Ургенеч, отклоняя чрез то вправо от прямого направления, каковым препровождать совсем они не брались. Дюрткаринцы же и чумекейцы, купно соединясь, хотели провести чрез Орскую по известному купеческому тракту. Бекчурин, которому строго предписано было наблюдать выгодность дороги, клятвенно оправдывал сторону последних и о точности сего, как и о спокойствии в орде, подтвердил привезенными письмами от главных киргизских начальников.

Сообразя сии обстоятельства, дабы не подвергнуться чрез чиклинцев Хиве, всегда против таковых отправлений недоброжелательствующей, и чтоб не возбудить мщение в двух сильных родах, каковы дюрткаринский и чумекейский, то и убежден я был, по показанию Бекчурина, также в пользу последних, а особливо по известности уже сей дороги от всегда проходящих там купеческих караванов. Желая более прихотить киргизцев к верности, уверял я их в милости монарха к повинующимся его подданным, обнадеживал, что услуга к препровождению нас, ими оказанная, сугубо вознаградится, а просьбы их будут все рассмотрены, для чего и отобрал я оные тогда же к представлению вышнему начальству.

Бекчурин ни под каким видом не мог уговорить киргизцев вывезть верблюдов, на коих должно было провозить по степи все поклажи, они опасались какого-либо подлога по прежним грабёжам. Уже по выезде киргизцев на границу, я отправил муллу и некоторых из выехавших к нам киргизцев опять в степь за верблюдами, немедленно, чрез Орскую крепость, с тем, дабы они чрез две недели оных доставили туда непременно. Бекчурин же убедил меня своими представлениями, чтоб не оставлять никого из выехавших киргизцев в аманаты, доказывая, что чрез сие повредим мы нашей безопасности, почему сие и было отменено.

По устройении сего, родились неудовольствия от отправлявшегося со мною купеческого каравана. Определенное взыскание с купцов из отпускаемого ими капитала в замену 8000 руб., данных на снаряжение команды и на подарки киргизцам, совсем было остановило торгующих. После сего от меня купцам объявлено было, что их к поездке сей не принуждают, а ежели бы кто товары свои и отправил, то просил я таможду не взыскивать с рубля более как по две копейки, о чем представил и министру коммерции, его сиятельству графу Николаю Петровичу Румянцеву. По убеждению уже директора тамошней таможди, г-на надворного советника Величко, некоторые, и то только из татар по большей части, приготовили к отпуску товаров на 257 997 руб., да бухарцы — на 11 920 руб. Надобно отдать справедливость г-ну директору сему: он во все время пребывания нашего на границе оказывал к комиссии сей неутомимое старание и нам доброжелательство.

Посланные нами, от самого приезда в Оренбург, чрез Орск, люди в Бухарию для приуготовления нужной к нашему прибытию безопасности, успели уже произвести там довольно влияние, и с открытием весны, по желанию нашему, показались оттуда купеческие караваны, коих в разное время вышло на границу до 3000 верблюдов и людей при оных более тысячи человек, а притом еще от тамошнего владетеля прибыл к российскому двору посланник, который чрез сделанный ему прием и доброжелательство открылся к нам усердием: он дал нам для лучшего успеха в Бухарию письма и к руководству — двух родных своих братьев. Мы думали, что посланец сей и торговые бухарцы, в Россию выехавшие, будут здесь вместо залога, а чрез то и делам нашим в Бухарии принесется польза.

А чтоб и киргизцев привлечь к границе и тем самым обезопасить проход нашего каравана, купечеству же чрез меня доставить выгоды, то разным родоначальникам писал я пригласительные письма, обнадеживая их безопасностью. Чрез сие то и меня при Оренбурге была в несколько крат превосходнее прошедших годов и вся торговля чувствительно возрастала; к сему способствовал также и таможенный директор г-н Величко.

Верблюды из степи Киргизской не прежде приведены были в Орск, как июля к 18-му дню; почему из Оренбурга, отправя прежде туда обоз, команду, лошадей и киргизцев, выехали сами 23-го числа того же месяца.

До выезда делал я киргизцам пристойные угощения и некоторых награждал подарками, а для поощрения их к доброжелательству и к водворению между ними спокойствия, многим оказывал по настоянию их угождения, в коих и Пограничная комиссия делала мне большое пособие, а особливо в рассуждении их барантов. Выехавших же с Бекчуриным чиклиинцев, отпустил пред отъездом обратно, в степь, с аттестатами.

В Орскую крепость прибыли мы 26 июля, где начали тотчас делать последнее приуготовление для успешнейшего выхода в степь Киргизскую: из багажа вязали кипы или тюки для навьючивания на верблюдов. Казенные тюки, и принадлежащие нам, разделены были на 8 чумекейских и 24 дюрткаринских верблюдов по добровольному их разделу; купеческий же товар положен был на 55 верблюдах, из коих чумекейских 51, да дюрткаринских 4. Весь караван состоял из 90 верблюдов.

Киргизцев для препровождения нас осталось: дюрткаринцев — 35, при султани Ширгази [5] и старшине Буранбае, а чумекейцев, под руководством Идиги, сына Куран-батыря, главного в чумекейском роде, 9 человек. Они вооружены были сайдаками, саблями, пиками, некоторые кольчугами и малая часть — винтовками.

Вся комиссия, исключая меня, состояла из 48 человек: надворный советник, доктор Большой [6], два переводчика, коллежский асессор Биктяшев и титулярный советник Бекчурин, два колонновожатых, Иванов и Богданович, два брата бухарского посланника, два писаря, два магометанских муллы, из коих один персидского и индейского языков переводчик, три казанских татарина, 19 чело-

век оренбургских казаков с чиновником и 9 тептярей [7] с тремя хорунжими. Сверх сего было при нас три служителя, купеческих приказчиков с работниками 8 человек, да при товаре же три бухарца.

Команда вооружена была карабинами, саблями, пиками и на каждого человека изготовлено по 300 патронов. Провианта запасено на три месяца, который состоял из сухих припасов; киргизцы же питались заготовленными для них баранами.

Для действительного обозрения пути в рассуждении обоза на колесах, взяты были четыре армянские двухколесные телеги, а на случай больных — коляска.

На арбах лежали нужные только к всегдашнему употреблению вещи, инструменты, палатки и запас, кои убавлялись и увеличивались, судя по удобности к провозу. Впрочем, все вещи везены были на верблюдах, из коих на каждом навьючивалось по 14 пудов*, разделенных на два тюка, кои по обеим сторонам верблюда прикрепляются к седлу веревками. Тюки длиною бывают аршина [8] в два, а толщиною — в аршин и обшиваются для сохранения от дождя киргизскими войлоками.

За провоз на каждого верблюда договорились заплатить по прибытии в Бухарию по 7 бухарских червонных, каковых 88 составляют 100 голландских.

Груз на верблюдах разделяется обыкновенно при всех здесь караванах на два правила, т. е. на тугонаков и палтаров. Первые состоят из таких тюков, кои в дороге не разбиваются до самого места и отдаются на руки киргизским крякашам (извозчикам), сии уже сами выючат верблюдов, хранят их и имеют присмотр за тюками. Палтар же состоит из вещей, нужных для всегдашнего в пути употребления, и на коих можно прибавить и убавить, сии отдаются на руки хозяевам багажа, кои сами уже должны тогда их и выючить. По сему же грузу и самые верблюды называются у киргизцев, судя по бремени, одни — тугонак, а другие — палтар**.

* Все верблюды сии были двугорбые, кои могут нести по 20 пудов, но мы для поспешнейшего хода клажу уменьшили.

** За тугонаков платится всегда до места урочного, хотя б тюк и совсем был снят в дороге, но за палтаров до того только места, где бы они не освободились от возлагаемого на их бремени.